

Федяев Дмитрий Михайлович, Федяева Наталья Дмитриевна

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ КОНСТРУКТЫ ПЛАТОНА И ЭПИКУРА В ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

В статье выявляются альтернативные онтологические конструкты, эвристические возможности которых реализуются в философии истории. Основу философии истории заложили средневековые христианские мыслители, которые фактически реализовали онтологический конструкт Платона - учение о вещах и идеях. Его последовательное проведение ведет к акцентуации исторической необходимости. Альтернативным является учение Эпикура о внезапном отклонении атомов, акцентирующее случайность. Оба конструкта присутствуют в философии истории. Возможность их органического синтеза показана на материале философии истории Гегеля, сохраняющей сегодня свою актуальность.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/11/48.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 11(85) С. 177-179. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/11/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 123.1; 123.2

Философские науки

В статье выявляются альтернативные онтологические конструкты, эвристические возможности которых реализуются в философии истории. Основу философии истории заложили средневековые христианские мыслители, которые фактически реализовали онтологический конструкт Платона – учение о вещах и идеях. Его последовательное проведение ведет к акцентуации исторической необходимости. Альтернативным является учение Эпикура о внезапном отклонении атомов, акцентирующее случайность. Оба конструкта присутствуют в философии истории. Возможность их органического синтеза показана на материале философии истории Гегеля, сохраняющей сегодня свою актуальность.

Ключевые слова и фразы: история; идея; период; необходимость; случайность; «зеленый эффект».

Федяев Дмитрий Михайлович, д. филос. н., профессор

Федяева Наталья Дмитриевна, д. филол. н., доцент

Омский государственный педагогический университет

fedyaev@omgpi.ru

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ КОНСТРУКТЫ ПЛАТОНА И ЭПИКУРА В ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

Одним из первых шагов к созданию философии истории стало введение универсальной точки отсчета исторических событий – до или после Рождества Христова. При этом каждой из «частей» истории были приписаны свои неповторимые и постоянные особенности. Первая часть обращена в будущее, ее смысл состоит в неосознанной, слепой подготовке к событию, которое еще не произошло. Вторая часть ретроспективна, ибо откровение Христово уже было дано людям. Для первой части характерны зло, заблуждение, мрак, для второй – добро, истина, свет [5, с. 50-51]. Впоследствии деление потока истории на периоды стало общепринятым. Тем самым был фактически реализован онтологический конструкт Платона, создана историческая версия его учения о вещах и идеях. Сколь бы ни были многообразны события, все они причастны (термин Платона) «идее» соответствующего периода, так или иначе выражают ее. Христианская мысль дополнила идею периодизации идей божественного плана, определяющего общую направленность исторического процесса, задающего смысл истории. Отныне философия истории пошла по платоновско-христианскому пути.

Одним из характерных признаков платоновского мира идей была гармоничность. Идеи не просто сосуществуют друг с другом, а находятся в отношении строгого подчинения и соподчинения. Они могут быть более или менее общими, относятся друг к другу как роды и виды. Объединение типично-платоновской гармоничности с идеей божественного плана (будь то божественный план как таковой или просто «сквозная тенденция» исторического процесса) внесло в историческое познание уверенность в строгости и логичности причинно-следственных связей. Сквозь хаос событий, характерных для каждого исторического периода, просматривается логика становления, созревания и упадка соответствующего исторического качества, а тем самым подготавливается переход к следующей стадии. Смена одного этапа другим необходима, закономерна и неумолима, как судьба.

Линии Платона обычно противопоставляется линия Демокрита, но в аспекте осмысления необходимого и случайного идеи Демокрита не так уж противоположны платоновским. Демокрит, в отличие от Платона, искал строгую правильность в посюстороннем мире, а не в трансцендентном, но идеал познания тот же – исключить случайное: люди измыслили идол случая, чтобы прикрыть свое незнание. Идеи причинности и гармонии пронизывают всю древнегреческую философию. Тем не менее в философской традиции древности был найден самый существенный элемент альтернативной парадигмы, общий для философских конструкций Эпикура и Лукреция. Атомы, способные самопроизвольно отклоняться от прямой, – вот идея Эпикура, вызвавшая иной раз насмешки современников, но оцененная Марксом как его основная заслуга. «Отклонение атома от прямой линии не есть особое, случайно встречающееся в эпикурейской физике определение. Напротив, закон, который оно выражает, проходит через всю эпикурейскую философию» [6, с. 43].

Согласно Лукрецию, развившему мысль Эпикура, иногда в самое неопределенное время и в самых неожиданных местах вечное и всеобщее падение атомов испытывает слабое отклонение – «клинамен». Возникающий вихрь дает начало миру, всем вещам в природе. Клинамен – спонтанное и непредсказуемое отклонение. Лукреций считал, что отклонение прорывает законы рока, выражает способность атома противоборствовать и сопротивляться [10, с. 128]. Синергетика сделала учение Эпикура – Лукреция остро актуальным.

Взятая в историко-мировоззренческом аспекте, идея отклонения заставляет предположить, что логика исторического процесса не столь уж неумолима и линейна, как представляется с позиций платоновско-христианской парадигмы, что в истории возможны всякого рода зигзаги и случайности отнюдь не «местного» значения. Очевидно, что она не могла стать основой философии истории, поскольку философия в той мере, в какой она является наукой, акцентирует закономерности, то есть необходимое. Зато в трудах многих историков ярко представлен фактор, который явно случаен, если рассматривать его в общеисторическом масштабе, – характерные особенности и поступки личностей, оставивших в истории глубокий след. Историк может и не заявлять прямо,

что именно они определяют ход истории, но когда главное внимание в изложении исторических событий уделяется им, этот тезис «прочитывается» сам собой. Наверное, это вполне естественно, поскольку о людях, не оставивших заметного следа в истории, ничего не известно или же почти ничего, а «повседневность» начала интенсивно исследоваться сравнительно недавно под влиянием толчка, который дала школа Анналов.

В художественных же произведениях поступки выдающихся личностей нередко выдвигаются на первый план исторической причинности совершенно явно. К примеру, однажды начались военные действия между Англией и Францией, поскольку герцог Бекингэм впал в агрессивное состояние из-за несчастной любви к Анне Австрийской (Александр Дюма «Три мушкетера»); единственной причиной Октябрьской революции в России явился исключительный «волевой поток» В. И. Ленина (Марк Алданов «Самоубийство») и др.

Тем не менее в известных версиях философии истории обнаруживается не только линия Платона, но и линия Эпикура. Одна из наиболее известных принадлежит Гегелю. «Следует... остерегаться, – пишет Гегель, – чтобы прекрасное само по себе стремление к разумному познанию не ввело нас в искушение показать необходимость явлений, которым на самом деле присущ характер случайности... Научные стремления, идущие по этому пути, не избегают справедливого упрека в бесплодной игре ума и чрезмерном педантизме» [2, с. 244-245].

«Чрезмерный педантизм» в проведении платоновско-христианской линии ведет к отрыву философии истории от исторической действительности в угоду общей схеме. Так, Р. Дж. Коллингвуд писал о средневековых мыслителях, что, «стремясь обнаружить общий план истории и веря, что этот план принадлежит богу, а не человеку, они стали заниматься поисками сущности истории вне самой истории, пренебрегая деяниями людскими для того, чтобы открыть план божественный. Вследствие этого конкретные факты человеческой деятельности стали для них чем-то малозначительным» [5, с. 55]. Неоднократно отмечался также отрыв теории исторического материализма от исторической эмпирии и др.

Когда же педантизм переходит в область практического исторического действия, он ведет, во-первых, к фатализму: то, что должно в истории случиться, случится непременно, как бы ни пытался кто-либо этому помешать. Фатализм в данном случае не мешает эффективности действия, а способствует ей, придает уверенность в своей правоте. Для личности, считающей свою деятельность необходимым звеном в цепи исторических событий, отсутствие свободы воли равносильно «совершенной неспособности к бездействию и... оно, это отсутствие свободы воли, отражается в ее сознании в виде невозможности поступать иначе, чем она поступает» [9, с. 302]. Во-вторых, он формирует отношение активной личности к противникам и несогласным: они выступают не только против нас, но против объективного процесса.

Согласно Гегелю, «субстанцией, сущностью духа является свобода» [3, с. 17]. Соответственно, в ходе истории сущность должна раскрыться, что и происходит через ряд этапов в полном соответствии с платоновско-христианской установкой. Его трактовка роли выдающихся личностей совершенно точно соответствует этой же установке. Их сила в том, что они действовали в магистральном направлении исторического процесса, они понимали «то, что нужно и что *своевременно*» [Там же, с. 29]. Тем не менее, приступая к изложению философии истории, он не требует от слушателей немедленного согласия с его основной идеей. Гегель говорит: «Мы должны рассматривать историю в том виде, в каком она существует: мы должны производить наше исследование исторически, эмпирически; между прочим, мы не должны дать себя обмануть историкам-специалистам, потому что они, особенно пользующиеся значительным авторитетом немецкие историки, делают то, в чем они упрекают философов, а именно – допускают априорные вымыслы в истории» [Там же, с. 11].

Рассмотрение истории «в том виде, в каком она существует», заставляет признать, что на каждой ступени реализации разумом атрибута свободы происходит смена субъекта, носителя идеи. Каждая ступень выражается, по Гегелю, в особом всемирно-историческом народе: свободен один – на востоке, свободны некоторые – в античном мире, всеобщая свобода достигается в германском мире. На каждом из этапов обнаруживается более детальное деление, также связанное с особыми субъектами. Например, принцип свободы одного модифицируется от Китая через Индию к Персии. Разум, ход которого уподобляется Гегелем движению закованной в сталь фаланги, прокладывает свой курс зигзагами, или, точнее, разум движется дискретно, а не непрерывно. Каждый народ способен выразить только одну ступень реализации разумом атрибута свободы, после чего устает, «выдыхается» и уступает лидерство другому народу.

Гегель не показывает общего принципа, в силу которого после прохождения «точки бифуркации» функция обнаружения разума в мире переходит от народа А именно к народу Б. Задним числом оказывается, что народ Б был более подходящим для очередной ступени, но заранее предсказать этого нельзя: сова Минервы начинает свой полет только с наступлением сумерек. Схвачено лишь одно необходимое условие – обязательный контакт народа Б с народом А. Скажем, когда из Персии центр исторического развития смещается в Грецию, «переход к Греции является, правда внутренним, но здесь он является как переход господства также и внешним, причем с тех пор этот факт постоянно повторяется. Ведь греки передают скипетр и культуру римлянам, а германцы покоряют римлян» [Там же, с. 206]. Таким образом, по Гегелю, элементы неопределенности (и непредсказуемости) в ходе истории связаны со сменой субъектов-носителей разума – народов, причем условием такой смены являются взаимодействия наличных и будущих народов-лидеров.

Следует отметить, что наличный народ-лидер, как правило, вступает в контакт с разными народами. Соответственно, устает вопрос: неизбежна ли передача лидерства одному из них – именно ему, а не другому?

Для теоретического описания неожиданных результатов взаимодействия Д. В. Пивоваров предложил метафору «зеленого эффекта» – на материале гегелевской теории рефлексии. При смешении желтого и синего, «при их взаимовысвечивании возникает совершенно новое качество – зеленый цвет. Аналогичные процессы

происходят в объектах любой произвольной природы, поэтому назовем их результаты “зеленым эффектом”. Ясно, что зеленое – это не синее и не желтое, но в снятом виде оно содержит в себе и то и другое как их конкретное тождество... Новое качество (“зеленый эффект”) далеко не всегда предсказуемо на основе анализа исходных взаимодействующих качеств А и В и проявляется подчас неожиданно для наблюдающего субъекта» [8, с. 15-16]. «Общая теория систем и синергетика выводят этот эффект из понятия бифуркационного изменения неравновесных систем» [7, с. 275]...

Когда «сумерки» наступили, очередной лидер определился, происшедшее кажется закономерным и неизбежным, но в масштабе общеисторической тенденции (будь то движение разума к свободе или общая логика смены общественно-экономических формаций) передача лидерства от одного народа к другому или же иной результат взаимодействия субъектов истории в значительной степени случайны и непредсказуемы. Взаимодействие может не носить характер плотного непосредственного контакта, превращение чего-либо иного в свое может привести к самым неожиданным результатам. Известно, например, сколь важным для становления общества средневековой Европы оказалось освоение двух китайских изобретений: упряжи для лошади современного типа и металлических стремян. Первое существенно усилило продуктивность земледелия и способствовало хозяйственному освоению новых территорий [1, с. 186], второе предопределило создание тяжелой конницы, что стало важным фактором становления социальной структуры феодального общества [4, с. 173].

Осмысление эпикурейского конструкта особенно актуально в наши дни. Процесс глобализации пока еще не привел к унылой унификации народов и культур, но существенно интенсифицировал их взаимовлияние, в ходе которого указанный эффект играет всеми оттенками «зеленого».

Для исторической науки оба конструкта в равной мере необходимы. Платоновско-христианский – в силу того, что нельзя объять необъятного; чтобы изучать историю, ее нужно разделить, а для деления нужны основания. Эпикурейская традиция причастна самому духу исторической науки хотя бы потому, что история разворачивается не только во времени, но и в пространстве, а также в силу того, что история имеет дело с событиями, причем с событиями неординарного масштаба, нарушающими привычно-монотонное течение общественной жизни. Если принять лишь первый, отбросив второй, объемная картина исторического процесса вырождается в сухую схему, способную совершенно оторваться от действительности. Реализация одного лишь второго лишает историческую науку научности, стирая грань между необходимым и случайным.

Список источников

1. **Бернал Дж.** Наука в истории общества. М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1956. 735 с.
2. **Гегель Г.** Сочинения: в 14-ти т. М. – Л.: Гос. изд-во, 1929. Т. 1. Энциклопедия философских наук. Ч. 1. Логика. 367 с.
3. **Гегель Г.** Сочинения: в 14-ти т. М. – Л.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1935. Т. 8. Философия истории. 470 с.
4. **Гуревич А. Я.** Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М.: Высшая школа, 1970. 223 с.
5. **Коллингвуд Р. Дж.** Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. 486 с.
6. **Маркс К.** Различия между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1956. С. 17-98.
7. **Пивоваров Д. В.** Иррациональное // Современный философский словарь / под общ. ред. В. Е. Кемерова и Т. Х. Керимова. 4-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2015. С. 274-275.
8. **Пивоваров Д. В.** Иррациональное, сверхъестественное и предмет философского атеизма // Отношение человека к иррациональному: сб. ст. / под ред. Д. В. Пивоварова. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1989. Вып. 1. С. 9-38.
9. **Плеханов Г. В.** К вопросу о роли личности в истории // Плеханов Г. В. Избранные философские произведения: в 5-ти т. М., 1956. Т. 2. С. 300-334.
10. **Пригожин И., Стенгерс И.** Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. Изд. 5-е. М.: КомКнига, 2005. 296 с.

ONTOLOGICAL CONSTRUCTS OF PLATO AND EPICURES IN PHILOSOPHY OF HISTORY

Fedyayev Dmitrii Mikhailovich, Doctor in Philosophy, Professor
Fedyayeva Natal'ya Dmitrievna, Doctor in Philology, Associate Professor
Omsk State Pedagogical University
fedyayev@omgpu.ru

The article identifies alternative ontological constructs, the heuristic possibilities of which are realized in the philosophy of history. The medieval Christian thinkers laid the foundation of the philosophy of history and actually realized the ontological construct of Plato – the doctrine of things and ideas. Its consistent implementation leads to the accentuation of historical necessity. The doctrine of Epicurus about the sudden deviation of atoms, accentuating randomness, is an alternative one. Both constructs are present in the philosophy of history. The possibility of their organic synthesis is shown on the basis of the philosophy of history of Hegel, which retains its topicality today.

Key words and phrases: history; idea; period; necessity; randomness; “green effect”.